

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	25
ГЛАВА III	39
ГЛАВА IV	52
ГЛАВА V	71
ГЛАВА VI	85
ГЛАВА VII	109
ГЛАВА VIII	118
ГЛАВА IX	127
ГЛАВА X	143
ГЛАВА XI	155
ГЛАВА XII	166
ГЛАВА XIII	183
ГЛАВА XIV	189
ГЛАВА XV	204
ГЛАВА XVI	221
ГЛАВА XVII	237
ГЛАВА XVIII	250
ГЛАВА XIX	283
ГЛАВА XX	291

❖ — ❖ О Г Л А В Л Е Н И Е — ❖

ГЛАВА XXI	305
ГЛАВА XXII	319
ГЛАВА XXIII	333
ГЛАВА XXIV	347
ГЛАВА XXV	374
ГЛАВА XXVI	388
ГЛАВА XXVII	414
ГЛАВА XXVIII	437
ГЛАВА XXIX	454
ГЛАВА XXX	472
ГЛАВА XXXI	484
ГЛАВА XXXII	514
ГЛАВА XXXIII	540
ГЛАВА XXXIV	565

*Ванессе Белл,
но не смогла найти слов,
достойных стоять рядом
с твоим именем*

ГЛАВА I

Был воскресный октябрьский вечер, и, как водится у барышень ее круга, Кэтрин Хилбери разливала чай. Но лишь пятая часть ее мыслей, похоже, была занята этим делом, остальная же часть, без труда преодолев временной барьер, вклинившийся между утром понедельника и нынешним довольно тусклым моментом, уже предвкушала все то, что так легко и непринужденно можно будет делать при свете нового дня. Даже помалкивая, она все же оставалась хозяйкой ситуации, до ужаса знакомой и привычной, и намеревалась пустить ее на самотек, наверное, в шестисотый раз, не прилагая к тому ни одного из своих не востребуемых талантов. Даже беглого взгляда на миссис Хилбери было достаточно, чтобы понять: эта дама столь щедро наделена качествами, которые делают чаепитие пожилых почтенных людей приятным и запоминающимся, что едва ли прибегла бы к помощи дочери, если б кто-то другой взял на себя скучную и утомительную обязанность распоряжаться чашками и бутербродами.

Поскольку собравшиеся сидели за чайным столом минут двадцать, не более, в лицах еще заметно было оживление, и общий гул голосов ласкал хозяйке слух. У Кэтрин даже мелькнула мысль: вот если бы сейчас вдруг отворилась дверь и вошел посторонний, он бы точно решил,

что здесь царит веселье. «В какой на удивление милый и гостеприимный дом я попал!» — наверняка подумал бы он. Кэтрин невольно улыбнулась этой мысли и сказала что-то незначашее, лишь бы добавить этому дому приятности, поскольку сама она никаких восторгов не испытывала. В этот самый момент, словно в ответ на ее мысли, дверь распахнулась, и в гостиную вошел молодой человек. И Кэтрин, удивившись совпадению, мысленно спросила, отвечая на его рукопожатие: «Вы полагаете, мы здесь веселимся до упаду?..»

— Мистер Денем, — подсказала она матери, заметив, что та запаматовала его имя.

От внимания гостя это тоже не укрылось, что лишь усилило неловкость, какая обычно сопровождает появление незнакомца в тесной компании оживленно беседующих людей. И мистеру Денему почудилось вдруг, будто за ним тотчас захлопнулись, отгородив его от улицы, тысячи пухлых, плотно обитых дверей. Едва заметная дымка, как легчайший призрак тумана, разливалась во всем обширном и довольно пустом пространстве гостиной, посеребренная там, где на чайном столике были составлены свечи, и вновь розовеющая в свете камина. Перед его мысленным взором еще проносились омнибусы и кебы, все тело еще гудело после быстрой ходьбы по людным, запруженным пешеходами и транспортом улицам, и эта комната казалась далекой и застывшей, как на картине, а лица людей — размытыми, каждое в прозрачном ореоле, благодаря проникавшим в гостиную щупальцам густого синего смога. Мистер Денем вошел как раз в тот момент, когда мистер Фортескью, именитый романист, добрался до середины пространной сентенции. Он смолк, дожидаясь, когда вновь прибывший займет место за столом, и миссис Хилбери искусно соединила прерванную нить беседы, обернувшись к гостю:

— Ну а что бы вы делали, если б вышли замуж за инженера и переехали жить в Манчестер, мистер Денем?

— Ну, она могла бы, например, изучать персидский, — заметил сухопарый пожилой джентльмен.

— Но если в Манчестере нет ни отставного учителя, ни ученого, которые знают персидский?

— Одна наша родственница после замужества переехала в Манчестер, — пояснила Кэтрин.

Мистер Денем пробормотал что-то невразумительное — на самом деле большего от него и не требовалось, — и литератор продолжил с того момента, где недавно остановился. Втайне мистер Денем уже жестоко корил себя за то, что променял личную свободу на эту утонченную светскую гостиную, где, помимо всего прочего, он не мог показать себя с лучшей стороны. Он огляделся по сторонам и отметил, что, за исключением Кэтрин, всем собравшимся далеко за сорок, хорошо хоть мистер Фортескью знаменитость и завтра можно будет, по крайней мере, утешать себя мыслью о таком знакомстве.

— А вы бывали в Манчестере? — спросил он у Кэтрин.

— Ни разу, — ответила она.

— Тогда что вы имеете против него?

Кэтрин помешивала чай и, как показалась Денему, была озабочена лишь тем, кому еще из гостей наполнить чашку, хотя на самом деле ее мысли были заняты задачей потруднее: каким образом сделать так, чтобы этот странный молодой человек не вносил явную дисгармонию в нынешнее собрание? Она заметила, что он буквально вцепился в чашку — тонкий фарфор того и гляди хрупнет. Явно волнуется, да это и понятно: худой, с покрасневшим лицом, с растрепанными волосами, — любой с такой внешностью чувствовал бы себя неуютно на званом вечере. Более того, ему, вероятно, претит подобное времяпрепровождение и он заглянул сюда лишь из

любопытства или потому, что папа его пригласил, — так или иначе, ему нелегко будет влиться в общую компанию.

— Просто, мне кажется, в Манчестере ей не с кем будет поговорить, — сказала она первое, что пришло в голову.

Мистер Фортескью, который уже минуты две наблюдал за ней — писателям ведь свойственно наблюдать и все подмечать, — после ее слов улыбнулся и сделал их предметом своих дальнейших рассуждений.

— Несмотря на некоторую склонность к преувеличениям, Кэтрин определенно уловила суть, — промолвил он и, откинувшись на спинку стула, вперив задумчивый взор в потолок и сложив ладони домиком, принялся описывать сперва ужасы манчестерских улиц, затем бесприютность городских окраин, потом ветхий домишко, в котором доведется жить добровольной изгнаннице, потом живописал преподавателей и бедных студентов, рьяных поклонников нашей новой драматургии, которые будут захаживать в гости, и как она станет там мало-помалу чахнуть, по временам наезжать в Лондон, а Кэтрин — выгуливать ее, бедняжечку, по столичным улицам, словно голодную болонку по шумным мясным рядам.

— Ах, мистер Фортескью, — воскликнула миссис Хилбери, едва он закончил, — а я как раз написала, что от души ей завидую! Я вот представила себе: такие большие тенистые сады и милые старые дамы в митенках, которые не читают ничего, кроме «Спектейтора»¹, и живут при свечах. Неужели их больше нет? Я от души пожелала ей найти все те блага, к которым мы привыкли в Лондоне, но без этих ужасных улиц, которые на меня тоску наводят.

¹ «С п е к т е й т о р» («Наблюдатель») — английский еженедельный журнал консервативного направления. Издается в Лондоне с 1828 г. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

— Но там есть университет, — заявил пожилой джентльмен, который ранее уверял, что в Манчестере имеются знатоки персидского.

— Вересковые пустоши там точно есть, я недавно читала об этом в одной книге, — заметила Кэтрин.

— Меня поражает и огорчает невежество моего семейства, — вздохнул мистер Хилбери.

Это был пожилой человек с миндалевидными карими глазами, необычайно живыми для столь почтенных лет и смягчавшими тяжеловесность остальных черт лица. Во время разговора он обычно поигрывал зеленым камушком, висевшим у него на цепочке часов, демонстрируя таким образом длинные скульптурные пальцы, и имел привычку быстро поводить головой туда-сюда, не меняя положения своего большого и довольно грузного тела, словно надеялся обнаружить что-нибудь занятное и достойное внимания, но с наименьшей затратой усилий. Можно было предположить, что для него давно минуло время сильных желаний и неутоленных амбиций — или он удовлетворил их по мере возможностей и теперь применяет всю свою немалую проницательность не для какой бы то ни было пользы делу, а лишь для наблюдений и философских раздумий.

Кэтрин, подумалось Денему, пока мистер Фортескью сооружал очередную обтекаемую конструкцию из слов, похожа на каждого из родителей, но черты сходства в ней странно смешались. У нее были резкие, порывистые жесты, как у матери, в разговоре она часто пыталась вставить что-то свое, но, едва разомкнув губы, удерживалась и тотчас сжимала их; в глубине темных блестящих миндалевидных — как у отца — глаз таилась грусть, но, поскольку в столь молодом возрасте грусть не могла быть благоприобретенной, это меланхоличное выражение скорее свидетельствовало о сдержанности и склонности к созер-

цанию. И цвет волос, и овал лица — все это позволяло называть ее интересной девушкой, если не красавицей. При-
сущие ее натуре качества, такие, как решительность и са-
мообладание, сформировали яркий характер, но из этого
вовсе не следовало, что молодой человек, к тому же едва
знакомый, будет чувствовать себя рядом с ней легко и не-
принужденно. Она была высокой, в платье какого-то спо-
койного тона с отделкой из старинного желтоватого кру-
жева, на которое бросал алые блики один-единственный
драгоценный камень. Денем догадался, что именно Кэтрин,
хоть большей частью помалкивала, здесь настоящая хо-
зяйка, она моментально реагировала на малейший намек
о помощи со стороны матери, но все же для него было
очевидно, что ее участие в происходящем лишь внешнее.
Ему вдруг пришло в голову, что ее роль за чайным столом,
среди всех этих пожилых людей, не так проста, как кажет-
ся, и он решил пересмотреть свое первое суждение о ней
как об особе, явно к нему не расположенной.

Разговор тем временем перешел от Манчестера, кото-
рый уже обсудили достаточно, на другой предмет.

— Что-то я забыла, как это называется — Трафальгар-
ское сражение или Непобедимая армада¹, Кэтрин? — об-
ратилась к дочери миссис Хилбери.

— Трафальгарское, мама.

— Ну разумеется, Трафальгарское! Как же я так... Еще
чашечку чаю, с тонким ломтиком лимона, ну а потом, до-
рогой мистер Фортескью, не могли бы вы объяснить, по-
чему мужчины с благородным римским профилем всегда
вызывают доверие, даже если встречаешь их в омнибусе...

¹ Трафальгарское сражение — историческая битва
времен наполеоновских войн — произошло в 1805 г. Непобеди-
мая армада — военный флот Испании — была разгромлена ан-
гличанами в 1588 г.

Тут в разговор вступил мистер Хилбери — в чем в чем, а уж в этом Денем разбирался — и со знанием дела заговорил о профессии стряпчего и о тех изменениях, которые эта профессия претерпела на его памяти. Денем приободрился, ведь именно благодаря статье на юридическую тему, которую мистер Хилбери опубликовал в своем «Обзрении», они и познакомились. Но когда минутой позже объявили о прибытии миссис Саттон-Бейли, хозяин дома занялся новой гостьей, а мистер Денем, лишенный возможности сказать что-либо умное, остался сидеть рядом с Кэтрин, которая тоже помалкивала. Поскольку они были примерно одного возраста, обоим до тридцати, они не могли прибегать к избитым, но удобным фразам, которые позволяют плавно вывести разговор в тихое русло. Замешательство усугублялось еще и тем, что Кэтрин нарочно решила не помогать упряму, в поведении которого она усмотрела нечто враждебное ее окружению, и воздержалась от обычных дамских любезностей. Так они и молчали, Денем едва сдерживался, чтобы не сказать какую-нибудь резкость, которая, возможно, пробудила бы ее к жизни. Но миссис Хилбери чутко улавливала любую заминку в разговорах — как паузу в инструментальной партитуре — и, чуть подавшись к ним над столом, заметила, в этойкой трогательно-отстраненной манере, которая всегда придавала ее фразам сходство с бабочками, перепархивающими с одного солнечного пятна на другое:

— А знаете, мистер Денем, вы так напоминаете мне милейшего мистера Рёскина...¹ Как по-твоему, Кэтрин, это из-за галстука, или из-за прически, или из-за того, что

¹ Джон Рёскин (1819–1900) — английский писатель, искусствовед, литературный критик. Оказал большое влияние на развитие искусствознания и эстетики второй половины XIX — начала XX в.

он сидит в такой же позе? Признайтесь, мистер Денем, вы поклонник Рёскина? Недавно мне сказали: «Ах нет, мы не читаем Рёскина, миссис Хилбери». А вот вы что читаете, интересно знать? Ведь невозможно все время летать на аэропланах и погружаться в земные недра.

Произнеся все это, она весьма благожелательно посмотрела на Денема, который не смог выдавить из себя ничего путного, затем перевела взгляд на Кэтрин — та улыбалась, но тоже не ответила, после чего миссис Хилбери, похоже, осенила прекрасная идея и она воскликнула:

— Думаю, мистер Денем захочет посмотреть нашу коллекцию, Кэтрин! Уверена, он не таков, как тот ужасный молодой человек, мистер Понтинг, который заявил мне, что, по его мнению, жить следует исключительно настоящим. В конце концов, что есть настоящее? Половина его — в прошлом... Причем лучшая половина, я бы сказала, — добавила она, обернувшись к мистеру Фортескью.

Денем встал, собираясь откланяться, — он решил, что повидал здесь все, на что стоило посмотреть, однако Кэтрин в ту же самую минуту тоже поднялась с места и предложила:

— Может, вы хотите взглянуть на картины?

И повела его через всю гостиную в комнату поменьше, которая к ней примыкала.

Эта небольшая комната походила на часовню в соборе или нишу в пещерном гроте — глухой уличный шум в отдаленье звучал словно тихий шорох прибоя, а овальные зеркала с серебряным исподом напоминали глубокие озера, подрагивающие при свете звезд. Но сравнение с храмом все же уместней, ибо эта комнатушка была буквально забита реликвиями.

По мере того как Кэтрин касалась разных предметов, то тут, то там вспыхивали огни, заливая сиянием спер-

ва красные с золотом переплеты, затем блеснувшую под стеклом длинную юбку в синюю и белую полоску, письменный стол красного дерева со всеми необходимыми принадлежностями и, наконец, картину над столом, которая подсвечивалась особо. Кэтрин зажгла эти последние лампы, после чего отступила назад, словно говоря: «Вот!» Увидев, что с портрета на него смотрит сам великий поэт Ричард Алардайс, Денем был так потрясен, что, будь на нем шляпа, тотчас сдернул бы ее из почтения. Взгляд этих глаз в окружении теплых розовато-желтых мазков был на редкость пронизательным и излучал почти неземную доброту, изливающуюся на зрителя и — шире — на весь поднебесный мир. Краски потускнели настолько, что, кроме этих прекрасных глаз, темнеющих на тусклом фоне, почти ничего нельзя было разобрать.

Кэтрин помолчала, словно давая ему возможность проникнуться величием момента, затем сказала:

— Это письменный стол. Поэт пользовался вот этим пером. — Она подняла перо и вновь положила.

Стол был в старых чернильных пятнах, перо разлохматилось от долгой службы. Здесь же лежали очки в золоченой оправе — всегда должны быть под рукой, — а под столом приютилась пара больших разношенных домашних туфель, одну из которых Кэтрин и подняла, прибавив:

— Думаю, дедушка был раза в два выше и крупнее наших современников. Это, — продолжила она, словно повторяя хорошо затверженный текст, — оригинальная рукопись «Оды зиме». Ранние стихи правились гораздо меньше поздних. Хотите взглянуть?

Пока мистер Денем рассматривал рукопись, Кэтрин устремила взгляд на портрет и, наверное, в тысячный раз погрузилась в блаженные мечты, где была своей среди этих людей-исполинов, по крайней мере, принадлежала к их обществу, отмечая разом ничтожность настоящего

момента. Величаявая голова-призрак на холсте, уж верно, не ведала всех этих воскресных банальностей, и теперь было совершенно не важно, о чем говорить с этим молодым человеком, ведь они — всего-навсего пигмеи.

— Это экземпляр первого издания стихов, — говорила она, не замечая, что мистер Денем все еще рассматривает рукопись, — в нем есть несколько стихотворений, которые больше не переиздавались, а также варианты правки. — Подождав с минуту, она продолжила, словно все ее паузы были размечены заранее: — Вот эта дама в голубом — моя прабабушка, портрет кисти Миллингтона¹. Это трость моего двоюродного деда — сэра Ричарда Уорбертона, он, как известно, вместе с Хэвлоком² участвовал в снятии осады Лакхнау. А это... дайте-ка посмотрю... ну да, это вещь Алардайсов тысяча шестьсот девяноста седьмого года — основателя фамильного состояния и его супруги. Кто-то на днях передал нам эту вазу, поскольку на ней их герб и инициалы. Мы решили, что им, должно быть, подарили ее на серебряную свадьбу.

Кэтрин умолкла на мгновение, удивляясь, отчего это мистер Денем ничего не говорит. И ощущение, что он ее за что-то недолюбливает, которое на время забылось, пока ее мысли были заняты семейными реликвиями, с такой силой вновь дало о себе знать, что она прервала свой перечень и посмотрела на него. Ее мать, желая для солидности как-то увязать нового знакомого с великими классиками, сравнила его с мистером Рёскином; это сравнение теперь и вспомнилось Кэтрин, заставив ее более

¹ Джеймс Хит Миллингтон (1799–1872) — английский художник, автор жанровых картин, портретов и миниатюр.

² Генри Хэвлок (1795–1857) — британский генерал-майор, участвовал в колониальных войнах в Индии. Осада Лакхнау — длительная осада, которой подверглись британцы в здании резиденции в ходе восстания сипаев в 1857 г.

критично, чем следовало, оценивать этого молодого человека, ибо данный молодой человек, заглянувший на чай во фраке, действительно имел мало общего с ликом, вобравшим в себя всю квинтэссенцию чувств и неизменно взирающим из-под стекла (лично знать мистера Рёскина ей не довелось). У мистера Денема было странное лицо — такое скорее подходит человеку действия, а не философу и эстету; широкий лоб, длинный и крупный нос, щеки с едва заметным румянцем гладко выбриты, губы одновременно упрямые и чувственные. Его глаза, в которых сейчас были заметны лишь обычные для мужчин беспристрастность и властность, могли бы при благоприятных обстоятельствах выражать более нежные чувства, ибо они оказались большие, светло-карие, сквозили в них — неожиданно — и нерешительность, и задумчивость; но Кэтрин глянула на него лишь затем, чтобы проверить, не станет ли это лицо чуть ближе к славным героям прошлого, если его украсить пышными баками. Его впалые, хотя не болезненно запавшие щеки указывали на неуживчивость и раздражительность. Голос его, она заметила, чуть дрогнул, когда он отложил рукопись и сказал:

— Должно быть, вы очень гордитесь своим семейством, мисс Хилбери.

— Да, конечно, — ответила Кэтрин. — А по-вашему, это дурно?

— Дурно? Почему это должно быть дурно? Хотя, наверное, скучно — показывать свои вещи гостям.

— Вовсе нет, если гостям это нравится.

— Не трудно ли жить, равняясь на предков? — не отступал он.

— Смею заверить вас, я не пишу стихов, — парировала Кэтрин.

— И я не смог бы. Не вынес бы мысли, что собственный дед меня в этом превзошел. И в конце концов, — про-

должал Денем, обводя комнату насмешливым, как показалось Кэтрин, взглядом, — не только дед. Во всем вас уже опередили. Полагаю, вы принадлежите к одному из самых именитых семейств Англии. Уорбертоны, Мэннинги — и вы еще имеете какое-то отношение к Отуэй, как я понимаю? Я в каком-то журнале об этом читал, — добавил он.

— Отуэй — моя дальняя родня, — ответила Кэтрин.

— Ну вот! — Денем произнес это так, словно получил подтверждение своим словам.

— И что же? — возразила Кэтрин. — По-моему, это еще ничего не доказывает.

Денем вместо ответа лишь улыбнулся. Его приятно позабавило то, что ему удалось если не произвести впечатление на эту заносчивую, высокомерную девицу, то хотя бы смутить ее; правда, он предпочел бы первое.

Какое-то время он сидел молча, с драгоценным томиком стихов в руке, но так и не открыл его, а Кэтрин смотрела на него, и взгляд ее, по мере того как обида проходила, становился все более грустным и задумчивым. Она думала о разном, забыв о своих обязанностях.

— Итак, — сказал Денем, внезапно открыв томик, словно высказал уже все, что хотел или мог, ради приличия, сказать. И принялся листать страницы так усердно, точно собирался вынести приговор не только поэзии, но книге в целом: печати, бумаге, переплету, а затем, убедившись в хорошем или плохом ее качестве, положил на стол и стал рассматривать малаккскую¹ трость с золотым

¹ Малаккская трость (меч-трость) — коричневая трость из ротанговой пальмы, произрастающей в Малайзии, была модным аксессуаром в XVIII и XIX в., особенно в Викторианскую эпоху. Внутри полой трости помещался прикрепленный к набалдашнику клинок — шпага или меч, который при необходимости легко вынимался.